

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовно-правовая характеристика организатора и лидера преступного сообщества»

Студент

И.А. Третьяков

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кондратюк

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Аннотация

Работа посвящена проблемам уголовно-правовой характеристики организатора и лидера преступного сообщества.

Структурно работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Введение посвящено обоснованию актуальности уголовно-правовой характеристики организатора и лидера преступного сообщества, в т.ч. ввиду появления в действующем уголовном законодательстве новых составов преступлений, связанных с занятием высшего положения в преступном сообществе, определению целей и задач, объекта и предмета исследования.

В первой главе раскрывается понятие организатора преступного сообщества в теории уголовного права, дается историко-криминологическая характеристика организатора и лидера преступного сообщества, изучаются различия квалификации организации преступного сообщества и занятия лидирующего положения в нем.

Во второй главе рассматриваются проблемы результативности норм, устанавливающих ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, определяются направления совершенствования в уголовном законодательстве ответственности лидерства в преступном сообществе.

Заключение предполагает краткое подведение итогов выпускной квалификационной работы.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Уголовно-правовая характеристика организатора преступного сообщества.....	7
1.1 Понятие организатора преступного сообщества в теории уголовного права	7
1.2 Историко-криминологическая характеристика организатора и лидера преступного сообщества.....	13
1.3 Различия квалификации организации преступного сообщества и занятия лидирующего положения в нем	17
Глава 2 Совершенствование норм, устанавливающих ответственность организатора и лидера преступного сообщества.....	23
2.1 Проблема результативности норм, устанавливающих ответственность за занятие высшего положения в преступном сообществе	23
2.2 Направления совершенствования в уголовном законодательстве ответственности лидерства в преступном сообществе	31
Заключение	39
Список используемой литературы и используемых источников	42

Введение

Актуальность темы исследования. За последние несколько лет в России возрос научный интерес к вопросам уголовной ответственности лица, занимающего особое, лидирующее положение в преступной иерархии. Означает, что российский законодатель продолжает признавать актуальность вопросов борьбы с организованной преступностью, в т.ч. путем ужесточения уголовной ответственности организаторов, руководителей и участников преступных сообществ (преступных организаций).

В качестве самостоятельного состава преступления, предусмотренного в первоначальной редакции Уголовного кодекса РФ, выступает статья 210, предусматривающая установление уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней). На протяжении длительного времени, она оставалась неизменной, но отечественный законодатель в 2009 и 2019 гг., внес ряд изменений, направленных на усиление уголовной ответственности за указанные преступные деяния.

Новеллой в данном направлении стало принятие в 2019 году ст. 210.1 УК РФ, установившей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. В СМИ новелла получила название «антиворовские поправки», ввиду ее направленности против воров в законе. Данная норма устанавливает ответственность не за совершенные ими противоправные деяния, а уже только за получение криминального статуса в преступной среде. Установление такой ответственности призвано сократить количество воров в законе, и минимизировать их деятельность в криминальной среде, в т.ч. в связи с занятием высшего положения в преступной иерархии.

Степень научной разработанности темы исследования. Проблемы применения уголовно-правовых норм в отношении организатора и лидера преступного сообщества рассматривались в трудах С.В. Алексеева,

В.Н. Бурлакова, Ж.В. Виденькиной, Д.А. Григорьева, О.А. Горбунова, В.С. Ишигеева, Ю.В. Трунцевского, С.В. Кондратюка, Е.А. Лузгиной, В.Ф. Щепельковой, и других ученых. В работах указанных правоведов, изучались вопросы о возможности, так и о недопустимости ответственности за наличие криминального статуса. В тоже время до появления ч. 4 ст. 210 и 210¹ УК РФ в научном сообществе не уделялось интереса к исследуемой теме.

Объектом исследования являются уголовно-правовые отношения, связанные с установлением уголовной ответственности организатора и лидера преступного сообщества.

Предметом исследования являются связанные с указанным объектом исследования нормы законодательства, регулирующие вопросы установления уголовной ответственности организатора и лидера преступного сообщества.

Цель и задачи исследования. Целью выпускной квалификационной работы является разработка теоретических положений и научно-обоснованных рекомендаций по использованию специальных знаний при установлении уголовной ответственности организатора и лидера преступного сообщества.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие основные задачи:

- определить понятие организатора преступного сообщества в теории уголовного права;
- раскрыть историко-криминологическую характеристику организатора и лидера преступного сообщества;
- изучить различия квалификации организации преступного сообщества и занятия лидирующего положения в нем;
- выявить проблемы результативности норм, устанавливающих ответственность за занятие высшего положения в преступном сообществе;
- определить направления совершенствования в уголовном законодательстве ответственности лидерства в преступном

сообществе.

Методология и методика исследования. Методологической базой работы является системно-структурный метод, метод сравнения, метод анализа, метод системного толкования правовых норм и др.

Теоретическую основу исследования составили монографическая и учебная литература, статьи периодической печати, а также диссертационные исследования по теме настоящего исследования.

Нормативную базу исследования составили действующее уголовное законодательство Российской Федерации, другие нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы привлечения организатора и лидера преступного сообщества к уголовной ответственности.

Научная новизна исследования заключается в том, что теоретические выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем привлечения организатора и лидера преступного сообщества к уголовной ответственности.

Структуру работы определили цели и задачи исследования. Работа состоит из введения, двух глав, включающих пять параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Уголовно-правовая характеристика организатора преступного сообщества

1.1 Понятие организатора преступного сообщества в теории уголовного права

По смыслу уголовного закона, за создание преступного сообщества или за участие в нем наступает уголовная ответственность по ст. 210 УК РФ в случаях, когда руководители и участники этого сообщества объединены умыслом на совершение тяжких и особо тяжких преступлений при осознании ими общих целей функционирования такого сообщества и своей принадлежности к нему. Это общая норма, устанавливающая за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) [4].

Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в ст. 210 УК РФ были внесены значительные изменения [46]. В частности, был предусмотрен состав, устанавливающий ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ). Обязательное условие привлечения его к ответственности – совершение любого из перечисленных в ч. 1 и ч. 1.1. ст. 210 УК РФ противоправных действий (создание преступного сообщества, участие в собрании организаторов и пр.). Максимально возможное наказание – до 20 лет лишения свободы и штрафом до 5 млн. рублей [65]. Такая конкретизация произошла с учетом ратификации Россией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, от 15 ноября 2000 г.

Выделение ч. 4 ст. 210 УК РФ в новый состав преступления обусловили научный интерес к проблеме установления уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии[1]. С начала 2010 года и

по настоящее время по теме исследования было опубликовано более десятка различных научных статей и монографической литературы, в которой обосновывалась возможность установления ответственности за наличие криминального статуса, и определения используемых в уголовном законодательстве терминов [60].

В то же время следует признать, что на сегодняшний день не нашли своего легального определения такие понятия как «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии», «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» [14].

В доктрине уголовного права, при описании субъекта преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, принято относить его к специальным субъектам, ввиду наличия дополнительных квалифицирующих признаков, характеризующих его положение в преступной иерархии [46]. Но как было уже отмечено, закон не содержит определение рассматриваемых терминов.

Верховный суд РФ предпринял попытку разъяснить уголовно-правовое значение термина «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» [70]. Соответствующее разъяснение было дано в п. 24 ППВС РФ от 10.06.2010 г. № 12 где сказано, что, «решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией), либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.» [47].

Обращает на себя внимание тот факт, что при разъяснении исследуемого термина, Верховный суд РФ исходит не из статуса лица в преступной иерархии, а делает акцент на совершаемых им преступных действиях и преступных связях. При этом Верховный суд РФ в своем толковании использует неуточненные термины «авторитет» и «лидер», не давая должного пояснения им. На указанный пробел п. 24 ППВС РФ от 10.06.2010 г. № 12 неоднократно указывалось в научной литературе [6].

Как отмечают специалисты, «разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ, являются неудачными, поскольку не позволяют отграничить организатора и (или) руководителя, координатора преступного сообщества (преступной организации) от лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Кроме того, ситуация осложняется еще и тем, что законодатель в ч. 1 ст. 210 УК РФ определяет субъект преступления как лицо, использующее свое влияние на участников организованных групп» [13].

Например, А. Мондохонов пишет, что «указание в ч. 1 ст. 210 УК РФ в качестве признака субъекта преступления использования влияния на участников организованных групп, является излишним. При этом лицо, использующее свое влияние на участников организованных групп, не относится к специальному субъекту преступления, поскольку лицо, которое не обладает таким влиянием, в принципе не сможет выполнить ни одного из деяний, указанных в ч. 1 ст. 210 УК РФ» [42].

А.Е. Шалагин отмечает, что «сложность применения ч. 4 ст. 210 УК РФ обусловлена в первую очередь тем, что законодатель при конструировании состава преступления использовал не правовые, а криминологические термины («преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии»). К тому же указанные категории являются оценочными, что еще более осложняет их толкование» [71]. В связи с чем, необходимо понимать, что подразумевается под преступной иерархией, как она организована и функционирует.

Здесь стоит понимать, для уяснения уголовно-правового смысла рассматриваемых терминов необходимо обратиться к терминологии, используемой в криминальном мире, а это в свою очередь осложнено ввиду специфики их криминальной деятельности. Наиболее громкие уголовные дела, связанные с организацией преступных сообществ и их лидеров, можно узнать из специальных репортажей для средств массовой информации и сети Интернет. Свободный доступ к материалам уголовных дел в отношении криминальных лидеров в большинстве случаев ограничен, что, безусловно препятствует уяснению фактов, на основании которых тот или иной субъект может быть привлечен к уголовной ответственности. Потому об организации преступного сообщества, ее функционировании, используемых понятиях и нормах поведения нет достаточно достоверных, научно обоснованных сведений. Они носят относительный, оценочный характер.

В научной литературе, подчеркивается мысль о том, что иерархия в преступных сообществах не является строго устоявшимся явлением, она подвержена изменениям и трансформации. Кроме того, в рамках криминальной среды в местах заключения и вне мест заключения, преступная иерархия может существенно отличаться [67].

Принято считать, что в качестве организаторов преступных сообществ выступают воры в законе. Об обозначенном факте, в частности указывает С. Белоцерковский. Согласно его мнению, «при всем многообразии преступных сообществ и преступных организаций, координирующей и управляющей «над организацией» продолжает оставаться сообщество воров в законе. Высшее положение в его преступной иерархии занимают воры в законе – лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели, доказавшие свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде» [10].

Организирующая и лидирующая роль воров в законе ставится под сомнение отдельными исследователями, которые считают, что «вор в законе не всегда является лидером преступного сообщества» [25]. При этом ими не

отрицается, что «вор в законе может занимать высшее положение в преступной иерархии» [11].

Стоит дать пояснение о том, кого в преступном мире называют вором в законе. Это категория лиц преступного мира, которая появилась в СССР в 20-е гг. XX. в лагерях. Ими являлись воры (карманники, домушники и медвежатники), которые считались тогда высшей кастой криминального мира. У этой категории граждан сформировался уклад собственных незыблемых правил, «понятий». В их числе – нельзя сотрудничать с государством, служить в армии, работать, нельзя иметь жену и детей, дорогое личное имущество и пр. Придание лицу статуса вора в законе осуществляется путем «коронации», от других воров в законе, на т.н. «сходках». Соответственно, признание на сходке статуса вора в законе, и наделяет его «полномочиями» по руководству отдельные преступными сообществами и группами [2]. Собственно говоря, поэтому воры в законе во все времена были верхушкой преступного мира. К началу 90-х годов, в связи с распадом СССР и образованием Российской Федерации, эта преступная сила стала все настойчивее проявлять себя, нарушая в т.ч. установленные правила и «понятия».

Принимая во внимание статус воров в законе, и возможность руководства преступной организацией О.А. Горбунов отмечает, что с юридической точки зрения, возникает правовая неопределенность: «каким образом преступное объединение может принимать решения, влекущие правовые последствия, если само по себе существование такого объединения является незаконным, а участие в нем – уголовно наказуемым (ст. 210 УК РФ)?» [23] Следует так же согласиться с тем, что вменение в вину квалифицированного состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, только на основании того, что лицо в преступном мире носит статус вор в законе, может не соответствовать общественной опасности фактически совершенных им действий.

Здесь стоит понимать, что далеко не все лица, придерживающиеся в преступной среде установленных правил и традиций, могут получить

поддержку со стороны преступного сообщества, и приобрести возможность занять лидирующее положение. Речь в данном случае может идти о т.н. «апельсинах», лицах, объявивший себя авторитетом, но не прошедший для этого определенных процедур.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что занятие лидирующего положения в преступной иерархии не ограничивается только криминальными титулами преступного сообщества. Его могут занимать, в том числе и иные лица, не имеющие статуса вор в законе. К таким лицам, согласно криминальной терминологии, могут относиться смотрящие, положенцы и пр. Все они не являются ворами в законе, но имеют определенную степень влияния на ту или иную преступную группу, или преступное сообщество в целом. Получить соответствующий статус может не каждый. Для этого нужно пройти тщательную проверку со стороны статусных лидеров и отвечать ряду обязательных требований, например, таким как: быть, с точки зрения воровского мира, правильным «пацаном» или арестантом, иметь непререкаемый авторитет, не сотрудничать с правоохранительными органами, освобождаться из мест отбывания наказания по концу срока, по возможности вести себя агрессивно по отношению к тюремной администрации и так далее.

Обозначенные лица, применительно к положениям ст. 210 УК РФ выступают субъектами преступления, предусмотренного ч. 1 и ч. 1.1 указанной статьи, и являются «лицами, использующими свое влияние на участников организованных групп», соответственно могут выступать организаторами или руководителями (лидерами) преступного сообщества [41].

Можно согласиться с высказанным в криминологической литературе мнением о том, что «для признания лица специальным субъектом ч. 4 ст. 210 УК РФ не обязательно, чтобы оно одновременно обладало высоким положением в преступной иерархии в целом и главенствовало на определенной территории [58]. Нельзя исключить и возможность признания лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, лидера

преступного сообщества, например регионального масштаба, которое можно рассматривать в качестве структурного подразделения другого межрегионального преступного сообщества» [26].

В целом можно сделать вывод о том, что, устанавливая уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней), законодатель в ст. 210 УК РФ использовал ряд оценочных категорий, затрудняющих понимание и правоприменение указанной нормы, что с одной стороны ослабляет конституционные гарантии защиты прав, свобод и законных интересов граждан, с другой, позволяет преступникам избежать ответственности.

1.2 Историко-криминологическая характеристика организатора и лидера преступного сообщества

Отличительной особенностью действующего Уголовного кодекса Российской Федерации выступает тенденция усиления уголовной ответственности за организацию и руководство деятельностью преступных сообществ, в связи стремительной трансформацией организационных форм организованной преступности в целом, начиная с 90-х гг. XX в и по настоящее время [53].

Признавая необходимость борьбы с организационной преступностью, Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г., «впервые в отечественном законодательстве в ст. 210 предусмотрел ответственность за организацию преступного сообщества» [13]. Не предполагая в своей первоначальной редакции ответственность за руководство и управление ею. Как было отмечено ранее, соответствующее нововведение было предусмотрено только в 2009 г., появлением ч. 4 ст. 210 УК РФ [19].

В 2019 году произошло усиление ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии – появилась ст. 210.1 УК РФ, предполагающая создание более эффективного правового механизма

противодействия лидерам идеологами преступных сообществ.

Пояснительная записка к законопроекту, о введении ст. 210¹ УК РФ, уточняла, что: «лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями и в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность. Однако благодаря своему положению в преступной иерархии лидеры преступных сообществ (преступных организаций), как правило, уходят от уголовной ответственности [55].

Разработчики законопроекта так же отметили тот факт, что по действовавшей редакции ч. 4 ст. 210 УК РФ привлечь лидера преступного сообщества является крайне затруднительным. Для этого лицо должно совершить общественно-опасное деяние, в результате которого лидер может быть привлечен к уголовной ответственности [55]. Иными словами, благодаря поправкам, было предложено привлекать к уголовной ответственности лиц, обладающих определенным криминальным статусом, а не ждать совершение ими общественно-опасных деяний [38].

Как видим, в качестве основных причин появления ст. 210.1 УК РФ можно назвать низкую результативность противодействия лидерам преступного сообщества, сложность привлечения их к ответственности.

Анализируя тезисы, приведенные разработчиками законопроекта о введении ст. 210.1 УК РФ, обуславливают необходимость обращения к зарубежному опыту. Так, обращает на себя внимание очевидное сходство диспозиции ст. 210.1 УК РФ с нормами УК Грузии. Речь идет о нормах ст. 223.1 УК Грузии, устанавливающей ответственность за членство в воровском сообществе и пребывание лица в положении вора в законе. Как представляется, обозначенное сходство, обусловлено историческими корнями развития организованной преступности в рамках бывших стран СНГ, поскольку воры в законе – это уникальное явление, характерное только для

наших стран. В европейских и иных странах, такой криминальной категории как вор в законе не существует [30].

В Грузии еще в 2005 году была криминализована деятельность воров в законе. Был принят закон о борьбе с организованной преступностью, внесены изменения в уголовное законодательство. Так, в УК Грузии появилась ст. 223.1 «Членство в воровском сообществе», вор в законе, т.е. впервые на законодательном уровне криминалистическим понятиям, употребляемым в разговорной речи было придано уголовно-правовое значение. В связи с чем, т.н. коллоквиализмы и их закрепление в УК Грузии вызвали бурное общественное обсуждение. Многие правоведы, указывали на недопустимость использования коллоквиализмов при формулировании уголовно-правовых норм [22].

Спор, продолжительностью в 10 лет решил Европейский суд по правам человека, указав следующее «законодатель Грузии прибег к использованию коллоквиализмов в ст. 223.1 УК Грузии [64] с целью более легкого восприятия сути преступлений широкой общественностью, поскольку криминологические концепции «воровской мир» и «вор в законе» общеизвестны. Кроме того, данные термины всеобъемлюще разъяснены в Законе «Об организованной преступности и рэжете», поэтому нарушений требований ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не допущено» [27].

Спустя несколько лет, грузинский законодатель осуществил еще ряд изменений, ужесточивших наказание для воров в законе и членов воровского мира, а также расширил список уголовно-наказуемых действий. В частности, были уточнены ряд терминов: «воровское сообщество и его деятельность», «воровской сход» и «воровская разборка», «вор в законе» и «член воровского сообщества» [33].

Грузинский опыт продемонстрировал, что допустимо использовать понятия, используемые в разговорной речи, и относящиеся к криминальному миру, при формулировании норм уголовного закона. Однако как отмечают

специалисты, «этому должно сопутствовать разъяснение употребленных законодателем терминов с тем, чтобы их смысл стал предельно ясным» [20].

Аналогичную позицию высказал Конституционный Суд РФ, который в Постановлении от 27 мая 2008 г. № 8-П указал: «...любое преступление, а равно и меры уголовной ответственности за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя из текста соответствующей нормы – в случае необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий (бездействия) [73]. Уголовная ответственность может считаться законно установленной и отвечающей требованиям статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления и что уголовный закон ясно и четко определяет признаки этого преступления, отграничивая его от иных противоправных и тем более от законных деяний» [54].

С сожалением приходится констатировать, что в российском правовом поле отсутствует специальный закон по противодействию организованной преступности, по аналогии с законом Грузии. Подобный закон мог бы дать разъяснения терминов, используемых в преступном сообществе в отношении лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Справедливости ради стоит отметить, что Проект федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» в России разрабатывался еще в 2006 году, но так и не был принят [3].

При отсутствии специального закона, большую практическую значимость приобретают Верховного суда РФ, но как уже было отмечено выше, в п. 24 ППВС РФ от 10.06.2010 г. № 12 используемые термины не нашли своего должного разъяснения, но активно используются нижестоящими судами в вопросах квалификации организации преступного сообщества и занятия лидирующего положения в нем.

1.3 Различия квалификации организации преступного сообщества и занятия лидирующего положения в нем

Квалификация организации преступного сообщества и занятия лидирующего положения в нем, основываются на положениях п. 24 ППВС РФ от 10.06.2010 г. № 12, по ввиду наличия оценочных категорий оно подлежит дополнительному истолкованию.

Анализ научной литературы показывает, что при квалификации организации преступного сообщества и занятия лидирующего положения в нем мнения исследователей разделяются следующим образом [35]:

- в качестве основания привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ необходимо признавать «не сам статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии как таковой, а преступные действия конкретного лица, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве. Соответственно, достаточно, чтобы такое лицо являлось лидером (организатором), то есть занимало высшее положение, в одном конкретном преступном сообществе (преступной организации)» [44];
- в качестве основания привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ следует признавать «признаки, характеризующие общественную опасность лица в силу его особого криминального статуса, а не сами конкретные действия, которые это лицо совершило» [18].

В научной литературе отмечается, что «системное толкование решений Верховного суда РФ, приводит к выводу о том, что криминальный статус лица для целей ст. 210¹ и ч. 4 ст. 210 УК РФ имеет первостепенное значение для квалификации. В воровском мире таковой присваивается согласно существующим процедурам и традициям (вор в законе, положенец, смотрящий и т.д.). В иных случаях (у т.н. бандитских авторитетов, криминальных функционеров и др.) фактическое наличие высшего положения

лица в преступной иерархии устанавливается правоохранительными органами в зависимости от степени влияния и авторитета лица в преступной среде, а также от объема, условно говоря, полномочий, которыми оно в этой среде наделено» [56].

Примером сказанного является Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г., где в обоснование квалификации действий вора в законе М.А. Чкадуа по ч. 4 ст. 210 УК РФ указано: «...М.А. Чкадуа занимал высшее положение в преступной иерархии, будучи так называемым вором в законе, и выполнял в ней функции, которые судом признаны доказанными: осуществление организационных и управленческих функций в отношении преступного сообщества и его участников; подбор и вербовка руководителей входящих в его состав структурных подразделений, а также контроль за их действиями; планирование и координация деятельности преступной организации и т.д.» [5].

В.М. Быков отмечает, что «само по себе наличие у лица необходимого криминального статуса еще не является достаточным основанием для его привлечения к уголовной ответственности ни по ст. 210¹, ни по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Главная причина – в противоречии требованиям положений ч. 1 ст. 14 УК РФ. Кроме того, возможно смоделировать ситуацию, когда лицо наделено необходимым криминальным статусом, однако фактически по каким-либо причинам его не использует. В таком случае его привлечение к уголовной ответственности будет противоречить принципу вины (ст. 5 УК РФ)» [15].

Проведем историческую аналогию, связанную с наличием в советском уголовном законодательстве нормы об особо опасном рецидивисте (ст. 24.1 УК РСФСР 1960 г.). Им признавалось лицо, ранее осуждавшееся к лишению свободы за особо опасные государственные и иные преступления, и вновь их совершавшее, и было осуждено на срок не ниже 5 лет. Указанная норма, впоследствии была заменена статьей об особо опасном рецидиве, и исключена из правового поля, ввиду ее недемократичности, т.к. ставила на человеке

«клеимо» [68]. В современной литературе было предложено вернуть категорию особо опасных рецидивистов в действующее уголовное законодательство, но при этом «выработать критерии отнесения лица к особо опасным рецидивистам» [28].

Бесспорно, чтобы противоправные действия классифицировались по ст. 210.1 УК РФ, помимо наличия определенного криминального статуса, необходимо, чтобы такое лицо совершило хотя бы одно умышленное действие, направленное на координацию действий преступного сообщества. В то же время признанное правонарушение не обязательно должно быть прекращено таким образом, чтобы желаемый результат был фактически достигнут, а задача, поставленная перед правонарушением, была выполнена. Важное значение имеет направленность поручения на совершение преступных деяний [36].

В случае же с ч. 4 ст. 210 УК РФ должны быть совершены деяния, предусмотренные ч. 1 и (или) ч. 1.1 данной статьи за создание преступного сообщества или участие в собрании организаторов. При этом «координирующая деятельность такого лица должна распространяться на лиц, не входящих в состав того преступного сообщества (преступной организации), руководителем (создателем) которого он непосредственно является» [31].

Обращение к зарубежной законодательной практике показывает правильность подобного подхода. Например, в п. 32 ст. 3 УК Казахстана, указывается, что «под лицом, занимающим лидирующее положение, понимается лицо, наделенное руководителями организованных групп (преступных организаций) полномочиями по координации преступных действий, либо лицо, за которым члены группы признают право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер их преступной деятельности» [9].

Определим особенности доказывания принадлежности лица к высшему положению в преступной иерархии.

Единой практики доказывания по статье 210.1 УК РФ к настоящему

времени не выработано ввиду, прежде всего, единичных случаев привлечения к ответственности предполагаемых лидеров организованной преступности. Тем не менее, на основе анализа прошедших или идущих судебных разбирательств в связи с занятием высшего положения в преступной иерархии можно обрисовать общий контур тех доказательств, которые используются органами следствия для обоснования специфического статуса подозреваемого субъекта» [26].

Так, по Приговору Санкт-Петербургского городского суда от 15.11.2018 по делу № 2-1/2018, К. Ал. С. обвинялся по ч. 4 ст. 210 УК РФ в том, что занимая высшее положение в преступной иерархии, он не позднее 31.01.2005 г. создал действовавшее до 10.08.2012 г. преступное сообщество (преступную организацию) в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств; в период руководил этим сообществом (организацией) и входящими в него структурными подразделениями; координировал преступные действия, создавал устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами, разрабатывал планы и создавал условия для совершения преступлений такими группами, делил сферы преступного влияния и преступных доходов между ними [50].

По данным интернет-сайта «Интерфакс», «в рамках уголовного дела в отношении предполагаемого вора в законе Шалвы Озманова (Кусо) обоснование занятия им высшего положения в преступной иерархии проводилось посредством анализа татуировок на теле обвиняемого, которые по данным заключения судебной культурологической экспертизы позволяют идентифицировать носителя с воровской кастой, попытки сослаться на факт «коронации» Ш. Озманова на воровской «сходке» в Армавире, а также посредством заслушивания свидетельских показаний некоего засекреченного сотрудника СИЗО № 3 «Пресня», в котором содержался подсудимый, о перехваченном «прогоне», в котором другие «законники» призывали заключенных относиться к Озманову в соответствии с его высоким

положением в криминальной среде» [17].

В случае с уголовным делом в отношении О. Медведева «сотрудники правоохранительных органов также пытались провести освидетельствование подозреваемого с целью нахождения на теле татуировок, свидетельствующих о принадлежности владельца к воровской среде, и, кроме того, пытались сослаться на восьмиконечную звезду на дне бассейна в загородном доме О. Медведева, которая позиционировались как символ воровской идеи» [29].

В научной литературе представлены и иные обстоятельства, на основе которых можно доказать принадлежность лица к высшему положению в преступной иерархии: «сведения о судимостях лица, привлекаемого к уголовной ответственности, его принадлежности к «криминальной субкультуре», наличии алкогольной и наркотической зависимостей, однако сейчас на практике, как видится, берется во внимание именно принадлежность к криминальной субкультуре» [59].

При этом как отмечается в литературе, «в случае с частью 4 статьи 210 УК РФ необходимо доказать наличие преступной организации, факт руководства ею обвиняемым, его высшее положение в преступной иерархии, то есть, в сущности, доказываемая ответственность лица деяние – за руководство совершением тяжких и особо тяжких преступлений своими подчиненными и координацию их деятельности. В случае со статьей 210.1 УК РФ доказыванию подлежит только статус лица. Следовательно, наказание назначается не ввиду реальных общественно-опасных последствий или тех негативных последствий, которые с необходимости наступили бы ввиду занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а за само такое положение. С одной стороны, такое положение упрощает работу следователей, с другой стороны, оно открывает простор для произвольного толкования предельно сжатой гипотезы нормы о занятии высшего положения в преступной иерархии, что также осложняется отсутствием каких-либо разъяснений вышестоящих судов по данному вопросу. Само преступление, которому посвящена статья 210.1 УК РФ, является, единственным уголовно-

наказуемым правонарушением, в составе которого фактически отсутствует объективная сторона» [28].

Следовательно, можем заключить, что правоохранительные органы при доказывании отношения лица к высшему положению в преступной иерархии пытаются обосновать особый статус обвиняемого (подсудимого). Характер той вредоносной деятельности, которая была совершена рядовыми преступниками под влиянием своего признанного лидера, тем самым не имеет никакого правового значения. Более того, сама такая деятельность доказыванию не подлежит. Потому вполне возможно, что сотрудники следственных органов усовершенствуют арсенал средств доказывания виновности лица по статье 210.1 УК РФ и будут использовать, возможно, видеозаписи, на которых тот или иной субъект утвердительно отвечает на вопрос о своей принадлежности к категории воров в законе. Причем такая видеозапись, скорее всего, будет иметь силу в качестве доказательства до того момента, пока не появился другой видеоролик, на котором тот же субъект отказывается от воровского положения» [43].

Таким образом, одной из главных отличительных черт преступного сообщества является наличие организатора. Это лицо, отвечает за создание и координацию действий преступного сообщества. Уголовный закон устанавливает повышенную уголовную ответственность организаторов преступного сообщества, используя такие термины как организатор, лидер, занятие высшего положения в преступной иерархии и пр. Многие из этих терминов легального определения не содержат [40], что осложняет уяснение правовых норм и осложняет правоприменительную практику.

Глава 2 Совершенствование норм, устанавливающих ответственность организатора и лидера преступного сообщества

2.1 Проблема результативности норм, устанавливающих ответственность за занятие высшего положения в преступном сообществе

Выделение преступного сообщества в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории произошло в начале 90-х гг. XX в., в связи с увеличением масштабов организованной преступности в нашей стране. Например, как отмечается в литературе, «в 1995 году на учете МВД РФ состояло свыше 150 преступных сообществ со средней численностью около 90 человек каждое. Одним из стимулов, определяющим выделение преступного сообщества в качестве самостоятельной уголовно-правовой категории, стала насущная потребность в привлечении к уголовной ответственности лиц, осуществляющих общее руководство преступной деятельностью, не связанное с подготовкой и совершением конкретных преступлений» [29].

Согласно статистическим показателям, после установления уголовной ответственности за организацию преступного сообщества количество дел, возбужденных по ст. 210 УК РФ, стало неуклонно расти. Так, «число осужденных по ч. 1 ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества) в 2009-2019 гг. увеличилось с 37 до 73 человек в год, по ч. 2 (участие в преступном сообществе) – с 52 до 159 человек, с ч. 3 (с использованием служебного положения) от 0 в течение нескольких лет до 19 человек, осужденных в 2018 году. И только по ч. 4, предусматривающей ответственность для воров в законе, из которой в дальнейшем выросла еще и отдельная статья 210/1 УК РФ, за десять лет был осужден всего 1 человек» [3]. В последнем случае речь идет о привлечении по ч. 4 ст. 210 УК РФ в 2017 г. обвинительного приговора в отношении вора в законе М. Чкадуа [48].

Обращение к официальной статистике показывает, что количество осужденных по ч. 1 ст. 210 УК РФ год от года меняется от 5 до 30 человек, по ч. 2 выросло с 36 в 2009 году до 323 человек в 2018 году [49].

Интерес представляет тот факт, что с 2014 года наблюдается резкий скачок (буквально в несколько раз) числа осужденных по дополнительной квалификации. Это связано с изменением подсудности суда присяжных, когда ч.ч. 1-3 ст. 210 УК РФ были выведены из круга дел, рассматриваемых судами субъектов.

После появления в 2019 году новой ст. 210.1 УК РФ в отношении лиц, которые причисляют себя к высшей преступной иерархии, за 2019 и 2020 годы силами МВД России, ФСБ России было возбуждено более 75 уголовных дел, но за указанный период к реальной уголовной ответственности было привлечено только несколько человек. Так, 7 октября 2020 г. Московский городской суд вынес первый в истории обвинительный приговор по ст. 210.1 УК РФ, предусматривающий ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии в отношении Ш.Т. Озманова. В отношении же большинства других преступных авторитетов до настоящего времени проводятся следственные проверки [21].

Одно из наиболее известных и громких расследований происходит в отношении О. Шишканова (Медведева). По информации следствия, ему инкриминируют статью 210.1 УК РФ («Занятие высшего положения в преступной иерархии») и часть 4 статьи 210 УК РФ («Создание преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии»). Лидеров преступного сообщества, созданного О. Шишкановым, в том числе Дмитрия Гусева и Эдуарда Харькова, обвинили в руководстве структурными подразделениями ОПС (ч. 1 ст. 210 УК), а еще с десятков рядовых участников сообщества (ч. 2 и ч. 3 статьи 210 УК) – в исполнении преступлений в его составе [51].

Как отмечают специалисты, арест Шишканова-Медведева не стал неожиданностью. После внесения в УК статьи 210¹ многие криминальные

авторитеты покинули Россию. Хотя на свободе их и так было немного. Из почти ста воров в законе около семи десятков находятся в колониях и тюрьмах. Олег Шишканов, видимо, тоже собирался улететь из страны и затеряться, возможно, поэтому и сменил фамилию, но не успел [45].

В. Куликов пишет, что на протяжении 2019-2020 гг., ввиду появления ст. 210.1 УК РФ начались активные процессы против криминальных лидеров, поскольку в криминальном мире серьезно отнеслись к новшеству. Закон существенным образом оказал влияние на лидеров и организаторов преступных сообществ, а именно: «признание своего статуса фактически приравнено к явке с повинной. Отрицание – противоречит внутренним правилам теневого мира». При этом, если первый приговор по новой статье был вынесен только в октябре 2020 года Мосгорсудом, то сейчас такие дела набирают ход. Например, в начале февраля 2021 года в Челябинской области обвинение по новой статье предъявлено гражданину, которого правоохранители считают криминальным авторитетом. Кроме того, он подозревается в незаконном обороте оружия и разбое. А Липецкий областной суд уже приступил к рассмотрению уголовного дела в отношении Тенгиза Гигиберии, «который уже несколько лет сидит в тюрьме № 2 в Ельце. Когда-то он был осужден на 17 лет за кражу и разбой. Сейчас его обвиняют в том, что он является вором в законе» [37].

Одним из последних громких дел стал арест, по мнению правоохранителей, главного криминального авторитета Татарстана, Сергея Нейдерова. В марте 2021 года в Казани ему было предъявлено обвинение по ст. 210.1 УК (занятие высшего положения в преступной иерархии). По информации МВД, ранее С. Нейдеров уже был неоднократно судим за разбой, подделку документов и хулиганство, в последнее время он имел неформальный статус «положенца по Татарстану», фактически занимая высшую ступень в преступной иерархии в республике. Вахитовский районный суд Казани отправил С. Нейдерова под арест. Уголовное дело в отношении последнего было возбуждено МВД Республики Татарстан [16].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что борьба с лидерами преступных организаций в Российской Федерации является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов и уголовного правосудия в целом. Тем не менее, «при характеристике объективной стороны занятия высшего положения в преступной иерархии, возникают сложности общеметодологического плана» [74].

Поскольку занятие высшего положения в преступной иерархии является криминализированным явлением, обратимся к анализу состава этого преступления.

Как пишет В.В. Зубов, «при обозначении объекта занятия высшего положения в преступной иерархии, сложностей не возникает. В исследовательской среде известно, что родовой объект преступления определяется в соответствии с наименованием раздела Особенной части УК РФ, видовой объект – в соответствии с наименованием главы Особенной части УК РФ, непосредственный объект – в соответствии со спецификой тех отношений, на защиту которых направлена каждая конкретная статья Особенной части УК РФ. Сообразно с вышесказанным, родовым объектом занятия высшего положения в преступной иерархии являются общественные отношения, направленные на уголовно-правовую охрану общественной безопасности и общественного порядка, видовым объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, направленные на уголовно-правовую охрану общественной безопасности, непосредственным объектом – общественные отношения, направленные на недопущение появления и/или сокращение количества лидеров организованной преступности» [26].

Если мы говорим непосредственно о занятии более высокого места в криминальной иерархии, то сначала возникает вопрос, является ли это явление действием или бездействием. С одной стороны, само положение лица в преступной иерархии действием не является. Положение является итогом выбора его в качестве лидера преступного сообщества, в результате

совершения определенных преступных деяний, одобряемых участниками криминальных структур [63]. Иными словами, лицо, приобрело авторитет, позволяющий ему стать лидером преступного сообщества, и занять высокое положение в преступном сообществе.

С другой стороны, занятие высшего положения в преступной иерархии не является бездействием. Лицо обязано обладать определенными организаторскими способностями, и совершить ряд действий для признания его лидером преступного сообщества. То есть он понимает, для чего осуществляет те или иные деяния – для того, чтобы занять в криминальной иерархии высшую ступень [69]. В литературе отмечается, что «такие действия совершаются исключительно по желанию лица. Можно принудить человека к совершению одного или нескольких преступлений, но представить, что некий субъект под влиянием давления извне систематически, с единым целеполаганием, путем совершения действий заявляет свои претензии на руководящие позиции в преступном мире, не представляется возможным» [26].

В.Ф. Щепельков пишет, что «совершаемые действия для занятия высшего в положения в преступной иерархии осуществляются с точки зрения интеллектуального и волевого компонентов как умышленные, причем умысел является прямым. Претендент на высшие позиции в преступной среде осознает, что совершает некоторые действия для получения статуса, понимает, что совершаемые действия могут привести к получению некоторого статуса, а также желает осуществлять те или иные действия. Но, опять-таки, возникает сложность: прямым умыслом охватываются действия, направленные на занятие высшего положения в преступной иерархии, а не само это положение. Умысел может быть направлен на совершение какой-либо активности, а не на социальный статус, который носит статичный характер. Для получения статуса лидера традиционной преступной среды в ряде случаев необходимым является совершение некоторых умышленных действий (участия в других преступлениях, кроме тех, которые в преступной среде являются

презираемыми – педофилии и изнасилования, и отбытия наказаний за преступления в местах лишения свободы, отказа от соблюдения установленных тюремной администрацией порядков в местах лишения свободы, отказа от срочной службы в вооруженных силах и так далее), которые, свою очередь, являются самостоятельными преступлениями и правонарушениями» [13].

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что организатору преступного сообщества, для занятия высшего положения в преступной иерархии необходимо совершить ряд самостоятельных, уголовно-наказуемых деяний, влекущих за собой признание его в качестве лица, обладающего авторитетом, и способного занять высшее положение в преступной иерархии и руководить преступным сообществом.

Как уже было отмечено ранее, признаками которыми должен обладать человек, занимающий высшее положение в преступной иерархии изложены в п. 24 ППВС РФ от 10.06.2010 № 12. В научной литературе указывается, что Обзор, вышедший более 10 лет назад, не учитывает действующие положения Уголовного кодекса РФ, и не предусматривает разъяснений относительно содержания ст. 210.1 УК РФ.

А.Ю. Борисова пишет, что «обзор судебной практики был сформирован Верховным Судом РФ в 2010 году, задолго до введения в УК РФ отдельной статьи о занятии высшего положения в преступной иерархии. Отмеченные в ПП ВС РФ №12 признаки касались вопросов определения причастности лица к занятию высшего положения в преступной иерархии в контексте руководства преступным сообществом (часть 1 статьи 210 УК РФ), лидерские позиции в преступном сообществе, сопряженные с занятием высшего положения в преступной иерархии, образовывали и образуют по настоящее время квалифицированный состав руководства в преступном сообществе (ч. 4 ст. 210 УК РФ). Тем не менее, подлежащие изложению признаки соотнесения субъекта с высшим положением в преступной иерархии не утратили актуальности» [12].

Как было указано ранее, в 24 пункте ППВС № 12 выделяются следующие характеристики, на основании которых можно выявить преступного авторитета: «руководство преступным сообществом или координация преступных действий; создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами; участие в разделе сфер преступного влияния и в разделе доходов; авторитет и лидерство в преступном сообществе; наличие связей с террористическими и экстремистскими организациями; наличие коррупционных связей» [47].

На основании указанных особенностей можно сделать определенный вывод о том, что, занимающий высшее положение в преступной иерархии, сочетает в себе качества лидера и руководителя преступного сообщества [52].

В то же время, как отмечается в криминологической литературе, «законодатель, осознанно отмежевывается от жесткой привязки занятия высшего положения в преступной иерархии со статусом вора в законе, который является распространенным для криминальных лидеров из стран бывшего Советского Союза» [8].

Как показывает правоприменительная практика, применение статьи 210.1 УК РФ в действительности направлено на борьбу с наиболее авторитетными лидерами преступного сообщества, иерархами преступного мира, адептами уголовной среды и воровского сообщества – ворами в законе, положенцами, смотрящими. И, как уже было отмечено ранее, в настоящий момент набирают оборот уголовные процессы в отношении предполагаемых воров в законе О. Шишканова (Медведева, Шишкана, О. Раменского) и др.

На основании изложенного можем заключить, что организатор преступного сообщества, лидер преступной организации, занимающие высшее положение в преступной иерархии и лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – это три различных субъекта. Для правильной квалификации их преступных действий необходимо установить следующие факты:

- руководителя преступного сообщества характеризуют: «наличие

преступной организации, совершение членами преступной организации тяжких или особо тяжких преступлений, совершение руководителем преступного сообщества управленческо-координационных действий, наличие авторитета»;

- лидера преступного сообщества характеризует: «наличие преступной организации, наличие неформального признания со стороны членов преступного сообщества, наличие авторитета»;
- статус высшего положения в преступной иерархии, предполагает «доказанность виновности лица к преступной среде, и наличия статуса вора в законе» [66].

За обладание одного из указанных статусов лицо привлекается к уголовной ответственности, как руководитель или лидер преступного сообщества по ч.ч. 1-3 ст. 210 УК РФ (наказание до 20 лет лишения свободы, штраф от 1 до 5 млн. руб.), при одновременном обладании высшего положения в преступной иерархии, – по ч. 4 ст. 210 УК РФ (наказание до 20 лет лишения свободы, штраф – до 5 млн. руб.), а лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии за факт социального статуса – по ст. 210 УК РФ, без дополнительных квалифицирующих признаков (наказание до 15 лет лишения свободы, штраф – до 5 млн. руб.)

Как видим, занятие высшего положения в преступной иерархии наравне с руководством преступным сообществом, в настоящий момент является особо тяжким преступлением. Государство целенаправленно проводит уголовно правовую политику на ликвидацию воров в законе и лидеров преступных сообществ. Длительное время такая политика показывала крайне низкую эффективность и результативность норм, устанавливающих ответственность за занятие высшего положения в преступном сообществе.

2.2 Направления совершенствования в уголовном законодательстве ответственности лидерства в преступном сообществе

Как показали ранее сделанные выводы, совершенствование уголовного законодательства за лидерство в преступном сообществе должно идти в направлении исключения неопределенности в используемых понятиях, как применительно к занятию высшего положения в преступной иерархии, так и определения понятия преступной иерархии.

Наибольшие трудности в правоприменительной практике вызывают вопросы о структуре преступной иерархии, лицах ее возглавляющих и возможности их привлечения по соответствующим статьям УК РФ. Преступный мир характеризуется неоднородностью, неформальность отношений, скрытностью деятельности и пр.

А.Н. Сухаренко пишет, что «с одной стороны, существуют криминальные объединения, в основе которых лежат преступные традиции, с другой стороны, существуют преступные сообщества, далекие от принятых понятий. Общим в двух описанных иерархиях является жесткая дисциплина, авторитарный характер власти лидера, наличие организационной структуры и субординации. Следовательно, если мы говорим о высшем положении в преступной иерархии, то можем подразумевать как статус вора в законе, так и положение лидера преступной группы в общем» [62].

Сказанное позволяет заключить, что, если действие статьи 210.1 УК РФ направлено только против воров в законе, без учета реальной преступной среды, ее формальных и неформальных лидеров, структуре преступной иерархии и пр., то имеет смысл изменить диспозицию ст. 210.1 УК РФ, придать ей юридическую однозначность, раскрыть термин «занятие высшего положения в преступной иерархии».

Ключевым для законодателя является определение термина «преступная иерархия», который широко используется в ППВС РФ № 12, статьях 210 и 210.1 УК РФ, но не находит должного разъяснения. Обратимся к

доктринальному толкованию.

В.С. Ишигеев, В.Л. Лапша пишут, что «под преступной иерархией понимается совокупность устойчивых статусов в преступном мире от восходящего к нисходящему или наоборот, для достижения каждого из которых требуется совершение некоторых действий, наличие криминальных навыков, а также обладание определенной степенью признания волевых, этических, организаторских, профессиональных качеств со стороны иных членов преступного сообщества» [28].

П.А. Скобликов отмечает, что «нет оснований вести речь об иерархии организованной группы лиц, объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, – речь должна идти о преступном объединении более высокого порядка. Преступная иерархия отражает структуру организованной преступности в целом или какого-либо значимого вида организованной преступности, а не отдельной преступной группы» [59].

М.С. Кармановский, Е.В. Косьяненко пишут о том, что «преступную иерархию не следует отождествлять с преступными группами. Преступные группы – это объединения лиц определенной направленности, то есть это часть действительности. Преступная иерархия – это расположение лиц в некоторой преступной группе в зависимости от установленных критериев, то есть это одна из характеристик преступной группы. При этом стоит отметить, что далеко не все преступные группы обладают иерархией. Так, иерархия отсутствует в группе лиц (часть 1 статьи 35 УК РФ), а также в группе лиц по предварительному сговору (часть 2 статьи 35 УК РФ), поскольку даже если между соучастниками преступления имел место сговор, характер связи между преступниками носит преходящий, а не регулярный характер. О наличии преступной иерархии в организованной группе (часть 3 статьи 35 УК РФ) можно говорить, но лишь в том случае, если такая группа возникла для совершения преступлений на регулярной основе. Кроме того, преступная иерархия в организованной группе может существовать только тогда, когда в ней имеется отчетливо выраженный лидер, который определяет направления

преступной деятельности» [31].

М.Д. Коган отмечает, что «однозначно о наличии иерархии можно говорить в преступном сообществе (часть 4 статьи 35 УК РФ). Это следует как из того, что преступное сообщество является в соответствии с уголовным законом структурированной организованной группой, что само собой предполагает иерархию, так и из того посыла, что объединение организованных групп под единым руководством предусматривает наличие лидера, помощников, руководителей каждой организованной группы, рядовых исполнителей, то есть является, в сущности, иерархичным образованием» [32].

Ф.А. Алиев проводит разграничение между преступной иерархией, существующей в местах лишения свободы и вне мест лишения свободы. Так, по мнению указанного автора, «преступную иерархию не следует отождествлять с тюремной иерархией. В основании преступной иерархии находятся профессиональные и эмоционально-психологические качества преступника именно в привязке к его деятельности. В основании иерархии тюремной находятся не столько личностные качества преступника, сколько соблюдение им правил поведения, установленных в неформальной среде заключенных. Имеются некоторые корреляции между положением в тюремной и преступной иерархии. Так, если вор в законе попадает в места лишения свободы, то он не только не может содействовать в насаждении администрацией исправительного учреждения формальных порядков, но и не вправе выполнять любые распоряжения работников пенитенциарной системы, которые унижают достоинство «законника». Примером соответствия высшего положения в преступной иерархии с соответствующим положением в иерархии тюремной является вор в законе Андрей Беляев (Вознесенский, Хобот), который, попадая в места лишения свободы, отказывался мыть полы и делать доклад. Однако это вовсе не означает, что занимающее высшее положение в преступной «неворовской» иерархии лицо при попадании в учреждения уголовно-исправительной системы в обязательном порядке приобретет высокий авторитет среди заключенных. Для того, чтобы занять

среднее положение в тюремной иерархии, ему достаточно соблюдения элементарных требований для так называемых «порядочных сидельцев»: не заниматься доносительством, не «крысятничать», не общаться и не иметь отношений с «опущенными», чтить карточный долг и пр. Однако для занятия высокого места в тюремной иерархии такому лицу заработать особый авторитет именно в среде заключенных» [7]. Далее Ф.А. Алиев пишет, «поскольку речь идет о преступной иерархии, то есть о структуре криминального мира, то должны иметься некоторые общие нормы, на основе которых каждое иерархичное преступное образование существует. К таким нормам относятся как «понятия», что относится к правилам жизни традиционных преступников, так и стремление к личному обогащению, что характерно для участников новых преступных формирований. Каких-либо устоявшихся и структурированных правил у последних не имеется, что не исключает, однако, наличие неких внутренних договоренностей между членами конкретной организованной группы или преступного сообщества» [7].

Обращает внимание тот факт, что в криминальном мире, большое значение придается использованию «понятий», характерных как для мест лишения свободы, так и вне мест лишения свободы. Именно соблюдение понятий позволяет члену преступного сообщества придерживаться устоявшейся преступной иерархии. Соблюдать ее правила и нормы поведения, характерные для криминального мира.

Как отмечают специалисты, «узловой ценностью воровского уклада является отрицание устоявшихся общественных порядков». «Вору» или претенденту в «воры» чужды общественные устои и государственный порядок. Поэтому вор в законе не должен иметь официальное трудоустройство, вмешиваться в политику, исполнять воинскую повинность, проявлять гражданскую активность [34]. Иным компонентом «воровской» идеи является самоотречение. За авторитет в преступной среде приходится расплачиваться некоторыми ограничениями. Так, законник не вправе иметь

собственность, заводить семью, иметь признанных государством детей, держать в руках оружие. В настоящее время имеет место отступление в воровской среде от классических воровских понятий. Авторитеты нередко заводят семьи и ведут роскошный образ жизни, который категорически не принимался их предшественниками, которые прошли через тюремно-лагерную систему СССР. Тем не менее, представления о преданности, личной лояльности и категорическом недопущении предательства вплоть до убийства отступника до сих пор являются ядром воровской идеи [24].

Таким образом, что на доктринальном уровне, исследователи признают, что не существует единого преступного мира, и легальное определение преступной иерархии невозможно, в виду объективных причин. Кроме того, в соответствии с криминальными представлениями можно выделить как минимум две разновидности преступной иерархии – традиционную и нетрадиционную (бандитскую) преступную иерархию.

Традиционная преступная иерархия предполагает наличие вора в законе, и подчиненные ему лица. К ним относятся «положенец», «смотрящий», рядовые преступники, являющиеся исполнителями уголовно наказуемых деяний. Е.М Рябков отмечает, что «в традиционной преступной иерархии высшее положение занимает вор в законе, но ни один вор не может приказывать другому вору или принуждать к чему-либо: равный не вправе указывать равному. Тем не менее, если воровская «сходка» приняла, то или иное решение, каждый вор в законе из числа присутствовавших на ней обязан неукоснительно следовать консолидированной воле» [57].

Иную структуру имеет нетрадиционная (бандитская) преступная иерархия. Ее возглавляет лидер преступного сообщества, а в его непосредственном подчинении находятся приближённые люди – «бригадиры», «быки» и рядовые участники. За безопасность лидера отвечают телохранители. Основная цель такой организации – занятие рэкетом.

Как видим, российский законодатель, устанавливая уголовную ответственность по ст. 210.1 УК РФ исходил из традиционного понимания

преступной иерархии, устанавливая ответственность воров в законе за свой статус, а не за совершаемые ими противоправные действия. В этой связи, как представляется нормы уголовного закона не подразумевают ответственности лиц, относящихся к нетрадиционной (бандитской) преступной иерархии.

Таким образом, можем сделать следующий вывод о том, что уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии является не столько новеллой российского уголовного права, сколько результатом выделения некоторой гипотезы из руководства преступным сообществом лица, занимающим высшее положение в преступной иерархии, с некоторыми особенностями.

Кроме того, можно установить несогласованность между законодательством и практикой. С одной стороны, в действительности наличествует несколько преступных иерархий, с другой стороны, о какой именно иерархии идет речь, в УК РФ не говорится, применяется свои положения к «традиционной» преступной иерархии, где руководящее значение приобретают воров в законе.

В свете вышесказанного, можно заключить, что наказание исключительно за социальный статус не совсем соответствует принципам и назначению уголовного права, что, конечно, не исключает необходимость привлечения к ответственности именно тех преступных лидеров, вследствие управленческих действий которых личности и обществу был причинен реальный ущерб.

Как отмечают специалисты, «включение в УК РФ ст. 210.1 и одновременное изменение ст. 210 породило новые проблемы, не решив старых проблем применения ч. 4 ст. 210 УК РФ» [39].

Во-первых, правоприменительная практика в виду наличия большого количества оценочных категорий испытывает сложности при определении виновности лиц, по ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210¹ УК РФ. Судьям приходится в своей работе обращаться к татуировкам, иным символам, свидетельствующим о наличии воровского статуса и положения в преступной иерархии. При

недоказанности инкриминируемого состава преступления, судьям приходится прекращать уголовные дела, либо направлять на дополнительное расследование. Ясности, не добавляет и разъяснения Пленума Верховного суда, поскольку как было уже указано ранее, п. 24 ППВС РФ от 10 июня 2010 г. № 12 не учитывает изменения УК РФ, в части установления ответственности по ст. 210 УК РФ. Отсюда и нерешительность судов в установлении высшего положения в преступной иерархии, в связи с чем Верховному Суду РФ «целесообразно сформулировать критерии, по наличию которых лидеров организованной преступности следует относить к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии» [72].

Во-вторых, требует разъяснений понятие «занятие положения», использованное в ст. 210.1 УК РФ. Исходя из ст. 14 УК РФ - это понятие необходимо трактовать не только как наличие определенного статуса в преступной иерархии, но и как определенную разновидность общественно-опасного поведения.

Как отмечают специалисты, лицо может быть признано занимающим высшее положение в преступной иерархии в смысле ст. 210.1 УК РФ, если оно, обладая соответствующим статусом, имеет реальную возможность влиять на принятие управленческих решений в преступном сообществе. Для наличия состава данного преступления достаточно только реальной возможности управления преступной деятельностью. В силу этого в предмет доказывания будет входить особый статус в преступной иерархии и наличие реальной возможности благодаря этому статусу влиять на организованную преступную деятельность. В идеале необходимо установить возникновение реальной возможности осуществления статусных функций: для лиц, которые уже занимают высшее положение в преступной иерархии и не отказываются от своего статуса, преступление должно признаваться оконченным с момента вступления в силу ст. 210.1 УК РФ» [68].

В-третьих, необходимо решить вопрос о допустимости совокупности преступлений, предусмотренных ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ.

Как отмечает В.Г. Степанов-Егиянц, «если лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, совершает действия, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 ст. 210 УК РФ, то содеянное им подлежит оценке по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ». Здесь работает логика квалификации преступлений, когда одно из них является фоном для совершения другого. Однако такая квалификация, естественно, нарушит принцип справедливости (никто не может нести ответственность дважды за одно и то же преступление). Да и с позиции перерастания менее тяжкого преступления в более тяжкое (санкция ст. 210¹ УК РФ – от 8 до 15 лет лишения свободы, а санкция ч. 4 ст. 210 УК РФ – от 15 до 20 лет или пожизненное лишение свободы) квалификация должна осуществляться по более тяжкому из преступлений. Оба варианта квалификации не являются идеальными, поэтому выбор нужно остановить на наименее спорном [61].

На основе изложенного можно прийти к общему выводу о том, что:

- принять новую редакцию ППВС от 10.06.2010 № 12 для единообразной трактовки имеющихся оценочных признаков (необходимо уточнить имеющиеся неоднозначные формулировки преступной иерархии, занятия высшего положения в преступной иерархии, круг лиц, подлежащих уголовному наказанию, предмет доказывания по делам, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии);
- принять федеральный закон о борьбе с организованной преступностью, отразив в нем меры воздействия на лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Соответствующие выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем привлечения организатора и лидера преступного сообщества к уголовной ответственности.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать соответствующие выводы:

- Установлено, что одной из главных отличительных черт преступного сообщества является наличие организатора. Это лицо, отвечает за создание и координацию действий преступного сообщества. Уголовный закон устанавливает повышенную уголовную ответственность организаторов преступного сообщества, используя такие термины как организатор, лидер, занятие высшего положения в преступной иерархии и пр. Многие из этих терминов легального определения не содержат, что осложняет уяснение правовых норм и осложняет правоприменительную практику.
- Акцентируется, что правовое государство не должно признавать «воровские градации» и тем более законодательно закреплять их. Таких субъектов следует выделять только в криминологических целях при классификации преступников и выработке мер предупреждения. Тем не менее, грузинский опыт продемонстрировал, что допустимо использовать понятия, используемые в разговорной речи, и относящиеся к криминальному миру, при формулировании норм уголовного закона. Однако этому должно сопутствовать разъяснение употребленных законодателем терминов с тем, чтобы их смысл стал предельно ясным.
- Обосновано, что по смыслу уголовного закона, организатор преступного сообщества, лидер преступной организации, занимающие высшее положение в преступной иерархии и лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии – это три различных субъекта. Для правильной квалификации их преступных действий необходимо установить соответствующие факты о их преступной деятельности и отношении к преступному сообществу.

Например, руководителя преступного сообщества характеризуют: наличие преступной организации, совершение членами преступной организации тяжких или особо тяжких преступлений, совершение руководителем преступного сообщества управленческо-координационных действий, наличие авторитета. Лидера преступного сообщества характеризует: наличие преступной организации, наличие неформального признания со стороны членов преступного сообщества, наличие авторитета, а статус высшего положения в преступной иерархии, предполагает доказанность виновности лица к преступной среде, и наличия статуса вора в законе.

- Акцентируется, что занятие высшего положения в преступной иерархии наравне с руководством преступным сообществом, в настоящий момент является особо тяжким преступлением. Государство целенаправленно проводит уголовно-правовую политику на ликвидацию воров в законе и лидеров преступных сообществ. Длительное время такая политика показывала крайне низкую эффективность и результативность норм, устанавливающих ответственность за занятие высшего положения в преступном сообществе.
- Сделан вывод о том, что совершенствование уголовного законодательства за лидерство в преступном сообществе должно идти в направлении исключения неопределенности в используемых понятиях, как применительно к занятию высшего положения в преступной иерархии, так и определения понятия преступной иерархии.

В свете вышесказанного, можно заключить, что наказание исключительно за социальный статус не совсем соответствует принципам и назначению уголовного права, что, конечно, не исключает необходимость привлечения к ответственности именно тех преступных лидеров, вследствие

управленческих действий которых личности и обществу был причинен реальный ущерб.

Можно предложить законодателю следующие направления совершенствования в уголовном законодательстве ответственности лидерства в преступном сообществе:

- принять новую редакцию ППВС от 10.06.2010 № 12 для единообразной трактовки имеющихся оценочных признаков (необходимо уточнить имеющиеся неоднозначные формулировки преступной иерархии, занятия высшего положения в преступной иерархии, круг лиц, подлежащих уголовному наказанию, предмет доказывания по делам, связанных с занятием высшего положения в преступной иерархии);
- принять федеральный закон о борьбе с организованной преступностью, отразив в нем меры воздействия на лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем привлечения организатора и лидера преступного сообщества к уголовной ответственности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абляева А.А. Признаки организованной группы и преступного сообщества // В сборнике: Актуальные проблемы и перспективы развития предварительного следствия в России. ред. колл.: С.Ю. Бирюков, И.Б. Черников, Н.В. Шувалов., 2020. С. 7-10.
2. Алексеев С.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в группе: Дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 220 с.
3. Андрецова А. Статья 210 УК РФ: тенденции правоприменения и оценка новых законодательных изменений // Адвокатское бюро. URL: <https://newizv.ru/news/society/24-03-2021/v-kazani-arestovali-glavnogo-kriminalnogo-avtoriteta-tatarstana> (дата обращения: 15.05.2021).
4. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29.10.2019 по делу № 22-7456/2019 // Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 51-АПУ18-4 в связи с жалобами осужденных Чкадуа М.А., Хатамова Ш.К., Масникова А.П. и др. на приговор Алтайского краевого суда от 26 апреля 2017 г. // Консультант плюс: справочно-правовая система.
6. Аришина И.К. Проблемы применения ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // В сборнике: Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции. 2020. С. 74-77.
7. Алиев Ф.А. Квалификационные коллизии в уголовном праве (на примере статьи 210 УК РФ) // Экономика. Государство. Общество. 2012. № 8. URL: <http://ego.uara.ru/ru/issue/2012/01/03/> (дата обращения: 15.05.2021).
8. Байкова Е.Э. Проблемы квалификации преступлений по 210¹ УК РФ

// В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2020. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. 2020. С. 145-147.

9. Байкова Е.Э. Соотношение квалификаций норм ч. 4 ст. 210 и 210¹ УК РФ // В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения - 2019. Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. 2019. С. 239-242.

10. Белоцерковский С. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 13.

11. Белякова И.М., Ложкова И.А. Проблемы доказывания преступной деятельности организованных преступных групп и преступных сообществ // Журнал научных и прикладных исследований. 2016. № 9. С. 22-24.

12. Борисова А.Ю. Наказание за статус: к вопросу о целесообразности криминализации деяния и перспективах практического применения // В сборнике: обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов. Сборник научных трудов. Тверь, 2020. С. 45-51.

13. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Высшее положение в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // В сборнике: Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения). Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Н.А. Лопашенко. 2019. С. 81-85.

14. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 465-476.

15. Быков В.М. Проблемы применения ст. 210 УК РФ в новой редакции Федерального закона от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ // Консультант плюс: справочно-правовая система.

16. В Казани арестовали главного криминального авторитета Татарстана

// Новые Известия (web версия). URL: <https://newizv.ru/news/society/24-03-2021/v-kazani-arestovali-glavnogo-kriminalnogo-avtoriteta-tatarstana> (дата обращения: 15.05.2021).

17. В Москве вынесен первый приговор по статье о преступной иерархии. // URL: <https://www.interfax.ru/moscow/730439> (дата обращения: 15.05.2021).

18. Виденькина Ж.В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Н.Г. Кадников. М., 2014 136 с.

19. Галеотти М. Воры. История организованной преступности в России. М. : Individuum, 2019. 448 с.

20. Гладких В.И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. 2019. № 5. С. 52-56.

21. Гладких В.И., Сухаренко А.Н. Декриминализация национальной экономики в условиях пандемии коронавируса // Российский следователь. 2021. № 2. С. 51-56.

22. Глазкова Л.В. Системные закономерности формирования организованных преступных групп и сообществ // В сборнике: Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 17.

23. Горбунов О.А. Некоторые вопросы, связанные с субъектом преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ // Преступность, национальная безопасность, бизнес / Под ред. А.И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2012. С. 356-366

24. Григорьев Д.А. Уголовно-правовое определение лиц, обладающих влиянием на преступную среду // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1. С. 64-67.

25. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210

Уголовного кодекса РФ) // Человек – преступление и наказание. 2016. № 3. С. 85.

26. Зубов В.В. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: критический взгляд // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 133-141.

27. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 15.07.2014 по делу «Ашларба (Ashlarba) против Грузии» (жалоба № 5554/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11.

28. Ишигеев В.С., Лапша В.Л. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ): вопросы квалификации // Российский судья. 2020. № 6. С. 33-35.

29. Казаков П.С. Криминологический портрет лидера организованного преступного сообщества // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. № 15 (63). С. 185-188.

30. Казанков В.Ю. Становление института уголовной ответственности участников преступного сообщества (преступной организации) в российском законодательстве // В сборнике: актуальные проблемы применения уголовного законодательства. Сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н.С. Сорокун. 2018. С. 120-127.

31. Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Ответственность за деяния, предусмотренные статьями 210 и 210.1 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 147-152.

32. Коган М.Д. Основные направления оптимизации уголовного закона в сфере борьбы с организованной преступностью // В сборнике: Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в деятельности следственно-судебных органов. Материалы студенческого научно-исследовательского семинара. Воронеж, 2021. С. 31-38.

33. Кетенчиева Е.С. Этнические преступные группировки как часть организованной транснациональной преступности // В сборнике:

Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Сост. А.А. Сарсенова. 2021. С. 101-103.

34. Кондратюк С.В. Аспекты противодействия занятию высшего положения в преступной иерархии: судебно-психологическая экспертиза // В сборнике: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. материалы XVIII Международной научно-практической конференции. 2021. С. 173-177.

35. Кондратюк С.В. Квалификация соучастия в занятии высшего положения в преступной иерархии // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (44). С. 24-30.

36. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 193-199.

37. Куликов В. Уронили авторитет // Российская газета. 2021. № 33.

38. Лихолетов А.А., Михайлов М.У. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2. С. 32-39.

39. Лузгина Е.А. Личность организатора преступного сообщества // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 6. С. 350-354.

40. Максименко М.В. О некоторых терминах, используемых для раскрытия сущности преступной иерархии // В сборнике: Противодействие преступности в современных условиях: уголовно-правовые, криминологические и психолого-педагогические аспекты. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Отв. редактор Р.В. Новиков. 2020. С. 52-56.

41. Мещеряков Д.В. Новелла российского законодательства об установлении уголовной ответственности за занятие высшего положения в

преступной иерархии // В сборнике: Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. 2019. С. 255-260.

42. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 54.

43. Мондохонов А.Н. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия организованной преступности: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2019. № 3. С. 53 – 58.

44. Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 182.

45. Муртазин И. Занимал высшее положение в преступной иерархии. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/07/16/81258-zanimal-vysshee-polozhenie-v-prestupnoy-ierarhii> (дата обращения: 15.05.2021).

46. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 03.11.2009 № 245-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.

47. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Российская газета. 2010 № 130.

48. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 57-70; № 9. С. 55-70; № 10. С. 61-70.

49. Пантюхина И.В., Ларина Л.Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex

russica (Русский закон). 2020. № 10 (167). С. 159-170.

50. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 15.11.2018 по делу № 2-1/2018 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

51. Перевезенцева Н.Д. Некоторые проблемы применения статьи 210 УК РФ // В сборнике: Проблемы становления гражданского общества. сборник статей VIII Международной научной студенческой конференции. Иркутск, 2020. С. 95-97.

52. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43-48.

53. Петрянин А.В., Пшеничнов И.М. Ужесточение наказания лидеров преступных организаций и преступных сообществ как ключевое направление борьбы с организованной преступностью // В сборнике: Современное состояние и пути развития уголовной политики. сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова. 2019. С. 126-131.

54. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

55. Пояснительная записка к законопроекту № 645492-7. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>. (дата обращения: 15.04.2021).

56. Рудалева М.В. Исторический анализ криминализации преступного сообщества (преступной организации) как формы соучастия в российском уголовном законодательстве // Вестник международного Института управления. 2018. № 1 (146). С. 36-39.

57. Рябков Е.М. Лидерство в криминальной среде как профессиональная преступная деятельность // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 4 (26). С. 108-112.

58. Сердюкова К.А. Преступное сообщество (преступная организация)

как объединение организованных групп // Законность. 2016. № 9 (983). С. 46-50.

59. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144-152.

60. Скобликов П.А. Ужесточение ответственности по части 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации как образец современной уголовной политики и законотворчества // Российский судья. 2019. № 12. С. 27-35.

61. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57-61.

62. Сухаренко А.Н. Путин объявил войну ворами в законе. Что теперь будет? // Konkurent.ru. 2019. URL: https://konkurent.ru/article/21524?fbclid=IwAR15hOwpGHWNN0REUSJ0VgI1_u3GFAwAWmf8LHBN8lP4cTGoN5HQR7Erjko (дата обращения: 15.05.2021).

63. Трунцевский Ю.В. Об уголовно-правовой оценке легализации (отмывания) доходов, приобретенных преступным путем // Вестник Международного института экономики и права. 2010. Вып. 1. С. 129-34.

64. Уголовный кодекс Грузии // Законодательный вестник Грузии. URL: <http://matsne.gov.ge>. (дата обращения: 15.04.2021).

65. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

66. Харзинова В.М. Проблемы уголовно-правового регулирования преступного сообщества (преступной организации) или участия в ней // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 45-46.

67. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2 (20). С. 46-52.

68. Царев Д.А., Павлов А.А. Правовая превенция пенитенциарной преступности на примере ст. 210.1 УК РФ // В сборнике: уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения. сборник материалов международной научно-практической конференции: в 2 ч. Вологда, 2020. С. 157-161.

69. Челнокова Т.А., Тарбагаев А.Н. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением части 4 в статью 210 УК РФ // Консультант плюс: справочно-правовая система.

70. Шабурова Е.А. Взаимосвязь и разграничение уголовно - правовых понятий преступное сообщество (преступная организация), организованная группа, экстремистское сообщество // В сборнике: становление и развитие новой парадигмы инновационной науки в условиях современного общества. сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 158-162.

71. Шалагин А.Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4 (26). С. 36.

72. Якушева Т.В. Реформирование нормы об организации преступного сообщества: анализ изменений, проблемы применения // Законодательство. 2020. № 1. С. 47-52.

73. Якушева Т.В. Уголовная ответственность преступных авторитетов: новеллы законодательства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 85-90.

74. Яшина А.В. Уголовно-правовая характеристика организатора преступного сообщества // В сборнике: Наука и практика в XXI веке. межвузовский сборник научных трудов. 2020. С. 99-104.